

Сводный босс

Автор:

[Алайна Салах](#)

Сводный босс

Алайна Салах

Гасославия

В поисках той самой прекрасной любви, о которой пишут в книгах, моя мама покидает Первопрестольную и летит в Америку, к Колину Леджеру, мужчине, с которым она познакомилась по интернету. Когда влюблённая парочка предлагает мне стажировку в фирме, которую с недавнего времени возглавляет сын Колина, я соглашаюсь. Ну а что? в Москве меня ничто не держит. После приезда выясняется, что влюблённые собрались в кругосветку, а меня оставляют на попечение Гаса. Я не в восторге от перспективы остаться одной в незнакомой стране, но это же я, девочка со стальным лбом и красным дипломом МГУ. Я смогу это пережить. Ну или, по крайней мере, я так думаю.

Книга содержит нецензурную брань

Алайна Салах

Сводный босс

Ограничения 18+, брань

Теги: сводные брат и сестра, от любви до ненависти, юмор

Жанр: современный любовный роман, романтическая эротика, комедия

* * *

Глава 1

– Мы русские, с нами Бог, мы русские, с нами Бог, – бормочу я себе под нос, пока забитый до отказа «Боинг» грузно плюхается пузом на взлётную полосу. Эта подсмотренная в инстаграм фраза – единственное, что отдалённо напоминает молитву. Я совсем не набожная, но когда желудок подкатывает к горлу от того, что тяжёлая махина несётся к земле со скоростью двести семьдесят километров в час, отчаянно хочу верить, что Бог – это добрый старик, который слишком равнодушен к моим славянским корням, чтобы мстить за многолетний игнор, позволив склеить ласты в двадцать три.

Пока самолёт тормозит до полной остановки, я откидываюсь на спинку кресла и расслабляю вспотевшие ладони. Спасибо, Бог, спасибо, дяденька пилот, вы были великолепны. Справа раздаётся облегчённый вздох, и я понимаю, что всё это время сжимала руку сидящего рядом толстяка, который выглядит, как приглашённая звезда шоу «Похудевший больше всех». И судя по тому, что весь полёт он уминал жирные пончики из бумажного пакета, звезда очень боится растерять форму.

Я незаметно вытираю налипшую сахарную пудру о хлопок джинсовых шорт и извиняюще улыбаюсь ему. Сорян, пухленький, вот такие мы, русские дамы, впечатлительные. Я никогда не летала одна, всегда с мамой, и это наш ритуал – держаться за руки во время взлёта и посадки.

Мама переехала в Америку полгода назад, познакомившись по интернету с разведённым бизнесменом Колином. Страсть немолодых вспыхнула ярко, и через неделю активной переписки и кокетливого хихиканья по Скайпу, Ромео примчался в Москву. Неделю сладкая парочка не вылезала из «Ритца» на Тверской, после чего Колястик, как его ласково прозвала мама, умчался по неотложным делам обратно, оставив возлюбленную с горой рыже-чёрных пакетов из ЦУМа и билетом в Нью-Йорк на ближайшую дату. В тот же день мама

пригласила меня в ресторан, где за ужином, волнуясь и краснея, как школьница, сообщила, что Колясик «тот самый», и она переезжает к нему. Я, как хорошая дочь, разумеется, дала немолодым своё благословение, умолчав, что она так же думала и о Санечке, и о Павле Николаевиче, и о дяде Егоре, и о Паше, с которым познакомилась во время моего выступления на конкурсе бальных танцев. Мама всегда была лёгкой на подъём, и возрасту было не под силу искоренить её восторженный перфекционизм. Она долгие годы порхала от одного мужчины к другому в поисках той самой идеальной любви, о которой пишут в романах. Ну а кто я такая, чтобы говорить, что её поседевшему амуру пора повесить колчан на гвоздь и начать вязать носки?

– Слава! Слава! – мамин визг оглушает переполненный зал аэропорта имени Джона Кеннеди. – Милая, как я соскучилась!

Она бросается мне на шею и, сдавив грудную клетку до хруста, покрывает быстрыми поцелуями щёки. Щедро разукрасив их мазками «Руж Коко», отстраняется и озабоченно хмурит тёмные брови.

– Ты похудела, Славик. Ножки и ручки как веточки. Так и знала, что тебя нельзя оставлять одну: ты совершенно не следишь за питанием.

– Я тоже по тебе соскучилась, мам, – улыбаюсь я и приветливо машу рукой выглядывающему из-за её плеча Колину. – Hi, Colin, nice to see you again.

Колину Леджеру под пятьдесят, он высокий, симпатичный и, к счастью, не принадлежит к тем тридцати восьми процентам белого населения США, страдающих страдающим? ожирением. После того как два месяца назад я окончила высшую школу бизнеса при МГУ, он сам позвонил мне и предложил попытать счастья в его фирме в Нью-Йорке. Я честно взвесила все за и против и в графе «против» нашла лишь одно – в лице старой подруги Веры, с которой мы были не разлей вода вот уже без малого пятнадцать лет. Сергей, сексуальная фантазия всех тусовщиц «Сибири» и по совместительству мой бывший парень, в список «против» не входил уже два месяца, после того как я выяснила, что его слова «Ты мой личный сорт героина», покоровшие меня на третьем свидании, были украдены из фильма, который он, как заявленный альфа и брутал, знать не должен, а фраза «Мой член встаёт только для тебя, детка» распространяется на весь факультет журналистики. Так что этот черноволосый мудака скорее моё большое жирное «за».

– По случаю твоего приезда Колясик забронировал стол в «Даниэле», – весело щебечет мама, когда мы подходим к сверкающему чёрному седану с мордой хищника на колёсных дисках. Колин услужливо распахивает для нас дверь, и мы вдвоём ныряем на упругое кожаное сиденье. – Это ресторан высокой кухни, – добавляет она шёпотом, словно доверяет мне самый большой секрет, – очень дорогой.

Пока Колин занимает водительское кресло, я растерянно оглядываю свой вид: кожаная косуха, купленная пару лет назад в Испании, вылинявшие джинсовые шорты, армейские ботинки на шнуровке, собранные в конский хвост волосы и ноль макияжа. Мой любимый стиль, но для похода в ресторан он совершенно не подходит.

– Может быть, я хотя бы переоденусь и приму душ? – Я жалобно округляю глаза и с надеждой смотрю на маму.

– Милая, к сожалению, на это совсем нет времени. Твой рейс задержался на два с половиной часа, а Колин уже подтвердил Гасу встречу.

Гас – единственный и обожаемый сын Колина. Ни один разговор с мамой по скайпу не обходился без дифирамбов этому парню: примерный сын, с отличием окончил Гарвардскую школу бизнеса, вежливый и обаятельный, принял на себя руководство фирмой, когда в прошлом году врачи диагностировали у Колина болезнь Лайма. Двадцативосьмилетний парень настолько успешно вёл дела, что отец решил доверить ему управление фирмой на постоянной основе, а сам тем временем занялся устройством поросшей мхом личной жизни. И так получилось, что оленёнком, пожравшим этот ягель, оказалась моя мама.

Вздыхнув, я ныряю в лежащий на коленях рюкзак и нащупываю там зеркало. Если уж мне придётся столкнуться лицом к лицу с великим американским генофондом, то я, по крайней мере, должна выглядеть прилично. Глаза немного припухли от трёх литров воды, выпитых в самолёте чтобы избежать обезвоживания, которым любит пугать мама, но с этим уже ничего не поделать. Кожа в порядке. Она у меня от природы ровная и смуглая, что избавляет от необходимости пользоваться тональными средствами. Губы тоже в порядке. Да чего душой кривить, знаю я, что симпатичная, а частое внимание мужского пола даёт все основания полагать, что это не пустое самомнение.

Дорогой я, как любой путешественник, восторженно кручу по сторонам головой, рассматривая пейзажи Нью-Йорка. Здесь круто, даже очень. Шумно, ярко, напоминает центр Москвы летом, наполненный беспорядочно снующими толпами туристов всех национальностей, но всё же ни на секунду нельзя забыть, что это совершенно другой город с особенной энергетикой пятидесяти остроконечных звёзд.

Машина Колина останавливается около представительного входа с красными дверями под широким навесом, на котором красными же буквами подсвечено название ресторана. Метрдотеля на входе, кажется, не смущает мой внешний вид, либо мама и Колин выглядят достаточно солидно, чтобы закрыть на это глаза. Он вежливо приоткрывает для нас дверь и просит проходить. Блондинка-администратор, похожая на породистую кобылку, дежурно улыбается нам крупными белыми зубами и проводит вглубь ресторана. Я переступаю грубыми подошвами по начищенным до блеска полам и убеждаю себя не нервничать из-за того, что несколько парочек, разбросанных по углам, будто бы специально разоделась так, чтобы посрамить русскую девчонку. Мысленно говорю им: «Fuck you» – и прибавляю шаг.

За столом, к которому мы подходим, задумчиво склонив голову к экрану телефона, сидит широкоплечий парень. Плечи – это первое, что я замечаю, если нет возможности увидеть его зад. Я вовсе не одержимая мужчинами самка, ничего подобного. Статья в «Космо» утверждает, что естественная реакция всех женщин – посмотреть на задницу парня, так же как у парней – посмотреть на женскую грудь. И здесь, к сожалению, мне нечем их обрадовать: неполная двойка, которую не в силах компенсировать даже хороший пуш-ап.

– Гас, милый, – воркует мама с чудовищным русским прононсом. Несмотря на то, что весь прошлый год она усиленно практиковала английский в дорогой школе иностранных языков, великий и могучий из её произношения так и не выкорчевали. Наверняка автор памятного «Лет ми спик фром май харт» выпустился оттуда же. – Позволь представить тебе мою дочь, Славу Жданову.

Парень отрывает взгляд от телефона и, расплывшись в белоснежной улыбке, встаёт. В какой-то передаче по радио я слышала, что у американцев хорошие зубы, оттого что они фторируют воду. Так вот, этот парень, судя по всему, ест фтор на завтрак, обед и ужин. На голове у него стильный тёмно-русый беспорядок, как если бы кто-то трепал его пальцами. Выступающие скулы, которые добавляют ему схожести с фотомodelью, и пронзительные голубые

глаза под такими длинными ресницами, что мне от зависти хочется плеснуть ему на рубашку что-то горячее, чтобы он зажмурился и спрятал их. И ещё он высокий, даже выше Сергея, а у того рост был метр восемьдесят шесть... Значит, в этом элитном скауне около метра девяносто.

Итак, помимо идеального сына у нас здесь ещё и красавчик. К счастью, к красавчикам у меня выработался иммунитет. Если уж я чего и вынесла из своих отношений с Сергеем, так это то, что парней нужно любить не за внешность и не за цитатки из фильмов. И чем непривлекательнее мужчина, тем лучше: меньше загребущих женских рук захотят прорваться к нему в трусы. Хотя почему я вообще об этом думаю?

– Привет, Гас. – Я приветливо улыбаюсь во все тридцать два зуба, чтобы красавчик не думал, что у него здесь монополия на белизну. – Много о тебе слышала и рада, наконец, познакомиться лично.

– Я тоже рад, Сла-ва, – он забавно, по слогам произносит моё имя, и я не могу не отметить, какой у него глубокий вибрирующий голос. И, кажется, я слышу акцент. Английский? Парень протягивает руку в знак приветствия, но я делаю вид, что не замечаю её, и резко оборачиваюсь к его отцу.

– Прекрасный выбор места, Колин, – не снимая с лица доброжелательного оскала, я обвожу взглядом ресторан. – Спасибо, что собрал нас здесь.

– Это была идея Гаса. Правда, сын? – Он смотрит на своего отпрыска с теплотой и обожанием, и я снова завидую Гасу, даже больше, чем его длинным ресницам, потому что их, при желании, я смогу нарастить, а вот отцовскую любовь мне нарастить не по силам, как ни старайся. Папа всегда хотел сына и никогда не пытался скрыть, что моё рождение стало для него величайшим разочарованием. – Гас знает, как дорога мне Ирина, и предложил собраться всем вместе, чтобы отпраздновать твой визит к нам.

– Спасибо, Гас.

Я перевожу взгляд красавчика, и тот начинает улыбаться ещё шире. У нас здесь что, соревнование, чья нация дружелюбнее?

– Мы ведь почти родственники, Сла-ва.

Парень пожимает плечами, и рубашка натягивается на рельефе его бицепсов так, как мне не следует замечать. Он обходит стол и галантно придвигает стул маме, отчего та заливается румянцем и кокетливо убирает выбившуюся прядь за ухо. Идёт ко мне и проделывает то же самое. Вот только я не краснею и не хихикаю. Выдержанно роняю ещё один «фэнкс» и плавно опускаюсь на стул. Говорю же, иммунитет.

Подоспевший к этому времени официант разливает воду по бокалам с таким видом, словно решает уравнения Навье – Стокса, хотя, возможно, такое выражение лица – неременный атрибут ресторанов высокой кухни.

– Как прошёл перелёт, Сла-ва? – спрашивает Гас, устремляя на меня взгляд своих индиго-глаз. Он выглядит искренне заинтересованным, поэтому я решаю не ограничиваться одним «нормально».

– На самом деле я очень боюсь летать, – признаюсь, делая глоток воды. – В самолёте мне приходилось несколько раз просить у стюардессы вина, чтобы снять напряжение.

Я прикусываю губу, потому что не хочу на своём примере подтверждать стереотипы о России: медведи, водка, балалайка. Кажется, мама подумала о том же, потому что, сладко улыбаясь мужчинам Леджер, лупит меня каблуком под столом.

– Я и сам часто спасаюсь бокалом вина в зоне турбулентности, – подхватывает красавчик, замечая моё смущение, – но летать приходится много, так что уже привык. И ты привыкнешь. – Он делает паузу. – Сла-ва. В ближайшее время нам предстоит несколько недолгих перелётов.

– Предстоят перелёты? Нам? – Я непонимающе кручу головой между Колином и мамой.

– О, – Колин извиняюще смотрит на меня. – Ирина тебя не предупредила? Предполагалось, что ты будешь личным ассистентом Гаса. Я давно убеждал его взять помощника, но он всегда пренебрегал этим советом. Однако твоё появление всё же убедило его попробовать. Уверен, что вы сработаетесь. Вы оба молоды, энергичны и получили прекрасное образование. Ты ведь окончила

университет с отличием, как и Гас, верно?

Быть на побегушках у красавчика – совсем не так я представляла свою первую должность, но ведь у меня совершенно нет опыта. Если Гас такая акула бизнеса, как о нём говорила мама, я смогу многому у него научиться и в дальнейшем использовать эти знания. Скромно опускаю глаза, когда Колин упоминает о моём красном дипломе, хотя меня по-детски разрывает желание показать язык этому супер-Гасу и выкрикнуть: «Съел, братишка?» И от этого желания я чувствую себя стервозной и мелочной, потому что парень смотрит на меня по-доброму и, кажется, искренне рад нашему сотрудничеству.

– Теперь к главному.

Колин и расправляет плечи, а мама начинает ёрзать на стуле, и они переглядываются между собой, словно два нашкодивших подростка. О нет. Нет-нет-нет. Они же не собираются...

– Мы едем в кругосветное путешествие! – объявляет Колясик, и от удивления и облегчения минеральная «Перье» отвратительным образом льётся у меня из носа прямо на белую скатерть. – Я мечтал об этом с самого детства, и вот теперь, благодаря моему сыну, взявшему на себя все заботы о компании, и конечно, королеве моего сердца, – продолжает он, поворачиваясь к покрасневшей маме, – это стало возможным.

Я всё ещё обрабатываю информацию о том, каким образом московская домохозяйка Ирина Сорокина в одночасье превратилась в Паспарту для Филеаса Фогга, когда Колин обращается ко мне:

– Мы улетаем в следующий понедельник. Надеюсь, вам, девочки, хватит времени, чтобы вволю наговориться. Прошу прощения, что так скоро похищаю твою маму, Слава. За тобой будет присматривать Гас. Уверю, с моим мальчиком ты в надёжных руках. И ты обязательно должна познакомиться с Камиллой, его девушкой. Уверен, вы быстро подружитесь. Камилла очень милая и развлечёт тебя первое время, пока ты не найдёшь новых друзей.

Я машинально киваю, но всё ещё не могу понять, почему, чёрт возьми, мама не могла предупредить меня об этом заранее. Я перелетела на другую часть земного шара, чтобы быть брошенной на поруки клону Иена Соммерхолдера и

его подружке? С тем же успехом я могла остаться дома, довольствуясь дежурным звонком отца по понедельникам.

Будто подслушав мои мысли, мама находит под столом мою руку и ласково сжимает.

– Я сама лишь вчера узнала, Славик. Оказывается, Колин готовил мне сюрприз.

У мамы такое виноватое выражение лица – как у нагадившего в тапки щенка, и я не могу на неё злиться.

– Порядок, мам, – я быстро прикладываюсь к её щеке губами и улыбаюсь мужчинам.

Всё-таки мне не перещеголять американцев в жизнерадостности, потому что в Нью-Йорке я всего-то пару часов, а рот уже болит от постоянных улыбок.

В течение часа мы поглощаем шедевры французской кухни, запивая терпким «Мерло», и болтаем с Колином и Гасом. Я узнаю, что у Гаса своя квартира в Верхнем Ист-Сайде, где он живёт один вот уже около четырёх лет. С Камиллой они вместе уже два года, но женитьба пока не входит в их планы. Помимо работы, Гас увлекается боксом и путешествиями, тягу к которым, похоже, унаследовал от отца. Я придирчиво пытаюсь найти в этом парне хоть какой-нибудь изъян и с треском проваливаюсь. Кажется, он действительно безупречен как снаружи, так и внутри. Я осматриваю его руки, но даже они, как назло, потрясающие: широкие ладони с крупными, длинными, как у пианиста, пальцами, которыми он задумчиво крутит салфетку, пока слушает, как Колин распинается о странах, где они с моей мамой хотят побывать в первую очередь. В голову вдруг приходит тупое поверье о пропорциональности размера рук всему остальному. Ау, Слава! О чём ты думаешь? Какое тебе вообще дело, что красавчик-янки прячет в своих штанах? Всё, что тебя должно заботить – это то, как хорошо он относится к твоей маме и насколько доброжелательно настроен по отношению к тебе. Это большой плюс с учётом того, что Гас – твой будущий начальник.

– Я был бы рад ещё побыть с вами, но, к сожалению, у меня дела, – надев на лицо виноватую улыбку, красавчик поднимается. – Я пообещал Камилле забрать её с урока живописи.

Урок живописи, ну конечно. Кто бы сомневался, что его девушка такая же совершенная, как он сам. Не удивлюсь, если по воскресеньям они носят одинаковые свитера и выгуливают соседских щенков.

Мама и Колин, гремя тяжёлыми стульями, поднимаются вслед за ним. Колин пожимает Гасу руку, а мама целует сына в щёку.

– Слава, обними Гаса на прощанье, – шипит родительница по-русски. – У них так заведено.

По какой-то причине я не хочу этого делать, хотя не вижу проблемы в обнимашках с противоположным полом, но, разумеется, вида не подаю. Натянув на лицо улыбку, огибаю стол и подхожу к Гасу. Аромат «Фаренгейта» проникает мне в ноздри, и я думаю, что для такого няшного парня он чересчур резковат. Я обожаю эту туалетную воду, но она совсем не вяжется с добродушной милотой Гаса.

Я встаю рядом, так что его яркие губы оказываются прямо перед моими глазами. У него очень красивый рот. Чувственный, но вовсе не женственный, может быть потому, что верхнюю губу пересекает короткий шрам. И его кожа... она идеальная. Чистая и гладкая. Чёрт, нужно побыстрее заканчивать с этим.

Я быстро обвиваю руками талию, обтянутую белой рубашкой, и невольно замираю. Я провела достаточно времени в залах «Ворлд Класса», чтобы иметь представление об анатомии мышц, и то, что я ощущаю под своими пальцами, буквально кричит о том, что хозяин этого тела упорно над ним трудится. И если я немного потяну тонкую ткань вверх, то увижу ту самую «V», от которой сходят с ума все девушки планеты.

Крепкая рука прижимает меня к себе, и я чувствую горячее мятное дыхание на своей ушной раковине.

– Рад был повидаться, Сла-ва, – из глубокого и звучного голос Гаса становится низким и хриплым. – Нам с тобой предстоят весёлые времена, русская матрёшка. Когда отец с твоей хихикающей мамочкой вскарабкаются на свой розовый воздушный шарик, я позабочусь о том, чтобы ты купила билет на первый же рейс и вернулась туда, откуда приехала. Потому что я не желаю видеть в своём доме

твою задницу. – Моя челюсть отваливается вниз, как у сломанного Щелкунчика, потому что в этот момент его рука ныряет в задний карман моих шорт и больно смыкается на правой ягодице. – И хотя задница у тебя ничего, но больше одного раза трахать я бы её всё равно не стал.

Я ошарашенно таращусь в лицо Гаса, когда он отстраняется, и всего на долю секунды вижу это изменение: глаза из небесно-голубых стали цвета океана перед грозой, игривое выражение исчезло с его лица – сейчас в нём читаются холодность и циничность. И это преобразование настолько разительное и шокирующее, что впервые за долгое время я не нахожу, что сказать. Просто таращусь вслед его удаляющейся широкой спине и проклиная себя за то, что несмотря ни на что, мой взгляд спускается на его задницу. И она у него, как назло, идеальная.

Глава 2

Гас

Как только увесистая дверь храма французской кухни захлопывается за спиной, я выуживаю из кармана пачку и прикуриваю сигарету. Горьковатый дым приятно щекочет горло, посылая сигнал расслабления в перегруженный мозг. Тело немного обмякает, чего нельзя сказать о Гасе-младшем, настойчиво пытающемся проломить каменной башкой ширинку.

Я соврал, когда сказал матрёшке, что трахнул бы её задницу лишь раз: я бы пялил её всю ночь, пока она не исчерпала бы все свои «Воје мој». Хотя, скорее всего, эта стерва стонет что-то позабористее. А она стерва – это видно. Чего только стоят сверкающие кошачьи глаза и улыбка пантеры. Чуть зазевался, глядя на её белые зубки, – оттяпает башку на хер. Знает, что красивая. Это видно по манере держать себя – она явно привыкла к мужскому вниманию. Её мамочка до сих пор хихикает, как восемнадцатилетняя девственница, стоит мне открыть перед ней дверь, а эта принимает всё как должное: не иначе как русская императрица с визитом пожаловала. Точно не тупая. Отец говорил, что она окончила их главный столичный университет с отличием и во время учёбы работала переводчиком. Английский у неё идеальный, а вот сиськи маловаты. Но с губами и задницей полный порядок.

От воспоминания об упругом полушарии в моей ладони член снова болезненно ноет. Я не принимаю это за тревожный звонок. В конце концов, я здоровый парень, и крепкий стояк – это естественная реакция, когда к груди прижимается красивое женское тело, а рука мнёт круглую задницу. Но чпокать я её, конечно, не собираюсь. Поиграю в образцового сына до понедельника, дождусь, пока отец с мамой-медведицей отчалят в кругосветку, а потом эта кошка попляшет. У меня на руках флеш-рояль: я её босс и я за ней присматриваю. Вылетит в свою Россию как пробка из бутылки с шампанским, брызгая пеной из слёз и соплей. А после возвращения и её мамаша следом отправится. Если отец настолько слеп, что не видит в этой блеющей овце охотницу за капиталами, то я ни хрена не такой. И я совсем не против, чтобы он нашёл себе женщину. Я не истеричный малолетка, чтобы накладывать вето на либидо родителя, но, блядь, неужели в Нью-Йорке мало женщин его возраста? Почему ему обязательно нужно было сунуться на блядский сайт знакомств, чтобы выписать себе русскую охотницу за сокровищами? Я не имею ничего против русских женщин, если они танцуют стриптиз в клубах, но, если одна из них живёт в моём доме и разводит отца на ежедневные прогулки по Пятой авеню стоимостью в несколько тысяч баксов, здесь я ни черта не за. А она ещё и дочурку свою сюда притащила. Личный ассистент, надо же. Ух, сколько бредовых поручений я дам этой стерве. И нужно не забыть про дресс-код.

Я швыряю окурок в урну и прыгаю за руль своей малышки. Разумеется, у меня не было планов забирать Ками после урока живописи – просто это удачный повод покинуть счастливое семейство, потому что скулы стало сводить от натужных улыбок заморским гостям. Но сейчас я думаю, что встретиться с Камиллой не такая плохая идея, раз у меня всё равно стоит. Я ни черта не образцовый парень и, как любой нормальный мужик, хожу налево, но в пределах разумного. В пределах разумного означает, что я уважаю свою партнёршу и делаю всё, чтобы она ни о чём не знала: не обмениваюсь телефонами и не вступаю с объектом переписки в долгоиграющие отношения. Я честно предлагаю лишь секс, и, если дама согласна, мы оперативно едем к ней. К ней, а не ко мне, потому что ко всему прочему я блюду чистоту своей койки. Джентльмен от рождения – с этим уже ничего не поделаешь. Английские гены по матери, будь они неладны. Тоже той ещё стервы, бросившей отца, когда дела в фирме пошли под откос. Эх, папа, когда ты уже поймёшь, что нельзя быть таким доверчивым с женщинами?

Я выруливаю на Лексингтон-авеню и набираю номер Камиллы.

– Ты закончила, малыш? Я освободился пораньше и решил лично доставить тебя домой.

– Конечно, милый, – раздаётся звонкий щебет в трубке, – я уже вышла, дождусь тебя в кофейне.

– Буду через пятнадцать минут, – информирую я её и отключаюсь.

В этом вся Ками: предсказуема и надёжна, как кусок биг-мака. И по этой причине я никогда её не брошу. Камилла красивая, умная, неревнивая и, в отличие от отца, прекрасно знает мой сучий характер. Я не то чтобы люблю врать, но иногда приходится. Отцу и так в жизни досталось, чтобы вешать на него ещё одно разочарование в моём лице. Для него я милаха Гас, преппи-отличник, любимец пожилых дамочек и собак, его большая гордость. Пусть всё так и остаётся.

Торможу около кофейни, в которой Ками сидит за столиком с двумя подружками. Габи и Баби, или как их там зовут. Пергидрольные клоны друг друга с перекачанными коллагеном губами. Вот у русской губы хоть и пухлые, но натуральные, и не торчат, как утиный клюв. Она, наоборот, втягивает их в рот, прикусывая зубами, вместо того чтобы надуть. Ой, какая мне, впрочем, разница.

Я жму на клаксон, привлекая внимание Камиллы. Две белобрысые макушки реагируют мгновенно: вытягивают шеи, как сурикаты, и скалят виниры. Я знаю, что эти недалёкие курицы всегда говорят за моей спиной гадости, но это оттого, что я не позволяю их костлявым клешням подобраться к Гасу-младшему. Потому что трахать подружек девушки, пусть даже и фейковых, – это табу. Да и не встанет у меня на их нашпигованные силиконом туши.

Ками поднимается из-за стола и клюёт девок в щёки. Улыбаясь, машет мне рукой и направляется к машине. Перед тем как распахнуть дверь, я смачно сосу её губы. Пусть шлюхи видят, какой у Ками замечательный парень.

Люблю ли я Камиллу? Наверное, люблю. Разрывной страсти нет, но ведь мы уже два года как вместе. Одно я знаю точно – никакую другую я не желаю видеть в роли моей жены. Да и мать из неё получится прекрасная. Но позже, не сейчас.

– Ко мне или к тебе, малыш? – Я щиплю Ками за коленку, пробираясь выше по её бедру. Она стыдливо сжимает бёдра и вцепляется в моё запястье.

Мы трахаемся уже два года, но все мои попытки раскрепостить её и развести на что-нибудь безбашенное не увенчались успехом. Для Ками перепихнуться на заднем сиденье машины – это уже экстрим.

– Ко мне. – Камилла одёргивает хлопковую юбку и целомудренно сводит ноги. – Я приготовила лазанью. Надеюсь, что ты заедешь.

Что я говорил? Из неё выйдет идеальная жена.

Едва мы поднимаемся к ней в квартиру, я хватаю её за бёдра и, развернув, прижимаю к стене. Знаю, что Ками не любит спонтанностей. У неё есть чёткий алгоритм занятий сексом: переодеться, сходить в душ (обоим) и обязательно сделать это в кровати. Я следую ему из уважения к ней, но сейчас мне не до этого.

Пока я задираю цыплячье платье, Ками что-то негодуяще пищит, но тут я проявляю молчаливую настойчивость. Я же не насильник, в конце концов, а её парень. Расстёгиваю ширинку ровно настолько, чтобы выпустить на свет младшего. Чёрт, твёрдый, аж больно. Оттягиваю кружевные трусы в сторону и врываюсь в Камиллу одним толчком. Она скребёт ногтями стену и пищит громче. Я убираю светлые волосы в сторону, чтобы не лезли в рот, и нащупываю грудь, упакованную в бюстгальтер.

– Малыш, сильно хочу тебя, не смог утерпеть.

Думаю, сойдёт за извинение.

Камилла возмущённо сопит и слегка выпячивает зад. И на том спасибо. Я толкаюсь глубже, стараясь не быть грубым, чтобы не пугать её. Я не любитель БДСМ, но всё же предпочитаю пожестче. Чтобы искры из глаз у меня и у партнёрши. Однажды увлёкся и в оргазмическом угаре назвал Ками дрянью, после чего пришлось долго перед ней извиняться, потому что грязные разговоры не входят в её концепцию чистой любви.

Камилла скала. Не издаёт ни звука, пока я буравлю её изнутри. А я, между прочим, немаленький парень. Чувствую, как дрожь пробегает по позвоночнику и искры начинают стрелять в темени. Близо, чёрт, близо. И вдруг... бах! В памяти всплывают зелёные кошачьи глаза. И никуда, блядь, не уходят. Похотливо смотрят на меня снизу вверх, и рот у русской в этот момент занят. Моим членом. Она насаживается на него ртом так самозабвенно, что в уголках её глаз выступают слёзы. Да, да, вот так, соси, маленькая стерва.

Искры превращаются в фейерверки и с грохотом разрываются прямо в паху и в черепной коробке. Я кончаю со стоном под возмущённые пiski Камиллы.

- Гас, ты портишь укладку! Да что с тобой такое!

Открываю глаза и вижу, что стискиваю в кулаке светлые пряди. Чёрт, в моей памяти они были тёмными.

Глава 3

Слава

Дом Колина впечатляет. Двухэтажный стильный особняк с остроконечной сланцевой крышей и аккуратными зелёными лужайками в Форест-Хиллс-Гарденс. Честно говоря, я ожидала увидеть домик в стиле модного хай-тек или авангарда и была приятно удивлена выдержанным английским стилем. Всё-таки не зря Колясик запал на маму: есть у этого дяденьки вкус.

Мне выделили просторную спальню в конце второго этажа с великолепным видом на сад и бассейн. Интерьер и мебель в ней абсолютно свежие и девичьи, словно эта комната готовилась специально для меня: широкая двуспальная кровать с кремовым подголовником, такого же цвета письменный стол и роскошная гардеробная, от которой восторженно завизжала бы даже Кэрри из «Секса в Большом городе». И собственная ванная комната с белым халатом. Бомба.

Я здесь уже три дня. Гуляю по окрестностям, хожу за кофе в местный «Старбакс». На работу я выйду на следующей неделе. На этом Колин настоял, сказав, чтобы я дала себе время освоиться. У меня не было возможности узнать маминого избранника во время его приезда в Москву, и сейчас я пристально наблюдаю за ним, пытаюсь обнаружить в образцовой гостеприимности намёк на фальшь. Вдруг это их с отпрыском семейная черта – чемодан с двойным дном.

Всё это время от жеребца Гаса не было ни слуху ни духу. Вообще, я из тех бойких девчонок, которым не нужно долго шарить по карманам в поисках язвительного словца, и поэтому вдвойне зла на себя за то, что так растерялась на том ужине. Но, с другой стороны, кто бы не растерялся? Не каждый день увидишь, как заикающийся Невилл Долгопупс превращается в изрыгающего гнусности Драко Малфоя.

Вчера я созванивалась с Верой по скайпу, и она посоветовала обязательно сдать Гаса маме. Верушка как никто знает, что за родную кровиночку Ирина Сорокина способна сделать рагу из его глазных яблок. Но я, разумеется, «стучать» не стану. И не потому, что лавры Зины Портновой не дают мне покоя, а потому что я своими силами хочу поставить этого жеребца в стойло. Будет лопать сухую траву из моих рук и ржать за кусок сахарка.

– Славик, проснулась?

Мама появляется на кухне, одетая в роскошный белый костюм-двойку и идеально покрашенная. Бросаю взгляд на часы: десять утра. Куда она нарядилась так рано? Я сижу перед миской хлопьев, залитых молоком, с вороньим гнездом на голове и в пушистой пижамке.

– Вечером к нам на ужин придут Гас с Камиллой. Видела бы ты его девушку. Такая красавица! Но ты у меня ничуть не хуже, когда наклеишься и нарядишься. – Ласково потрепав моё гнездо, она идёт к кофемашине. – Терпеть не могу твоего отца, но одного отрицать нельзя: его головастики помогли зачать самую красивую девочку на свете.

– Ма-а-ам, – измученно стону я и закрываю руками уши. – Я была бы очень признательна, если бы ты избавила меня от подробностей о качестве папиных сперматозоидов.

Вера часто говорит о том, что завидует нашим с мамой лёгким отношениям. С четырнадцати лет родительница без стеснения посвящала меня в подробности своей личной жизни: я была знакома с каждым из её мужчин достаточно близко, чтобы видеть их по утрам выходящими из её спальни, и даже знала, какие позы мама предпочитает в сексе. Наверное, здорово иметь в лице мамы подругу, вот только меня не покидает ощущение, что эту дружбу мне навязали. Потому что образ мудрой и непогрешимой женщины навсегда разрушен тем длинным списком глупостей, которым Ирина Сорокина охотно со мной делилась. Разумеется, это нисколько не умаляет моей любви к ней, но желание пойти за мудрым советом или просто по-детски пореветь на коленях отпало навсегда.

– Мы с Колясей сегодня собираемся пройтись по магазинам. – Аккуратно, стараясь не размазать помаду, мама прикладывает губами к белому фарфору. – Он приглашает тебя присоединиться к нам. Тебе нужно какое-нибудь милое платьишко к ужину. Выберешь сама, а Колин оплатит.

Я засовываю в рот ложку с разбухшими в кисель хлопьями и невольно кривлю лицо. Как они едят эту дрянь? Надо срочно разыскать овсяную кашу.

– Я привезла несколько платьев, мам. Я обязательно выберу время для шоппинга, но чуть позже. И у меня достаточно денег, чтобы самой оплатить покупку.

И это неложная скромность. Помимо того, что отец, желая смыть с души грехи нелюбви к собственной плоти и крови, ежемесячно перечисляет мне круглую сумму на карту, я четыре года подрабатывала в его фирме переводчиком при наезде иностранных делегаций, и за это он мне неплохо платил. Я не миллионерша, но купить платье за триста долларов, чтобы не ударить носом в грязь перед испорченным американским ослом и его подружкой, я могу себе позволить.

Я много езжу по странам. Зовите это блажью, но я считаю своей маленькой миссией развенчивать дурацкие стереотипы о русских. Что на отдыхе мы Тагил, пьём алкоголь в три горла, бьём немцев девятого мая и вечно всем недовольны. Поэтому в любой стране мира, в которой я побывала, персонал отелей и местные жители с улыбкой вспоминают русскую девочку Славу как образец воспитанности и доброжелательности. Отдыхая по системе ол-инклюзив, я никогда не наваливаю в свою тарелку гору еды, которую физически не могу проглотить; не тырю мандарины по чемоданам и не ворую вилки; обязательно

приветствую и благодарю местных жителей на их родном языке; оставляю чаевые и приветливо улыбаюсь.

И это ещё одна из причин, по которой я не позволю Колину платить за меня. Наш маленький рубль дешёв, но горд. Пусть не думают, что каждая российская женщина мечтает попасть в Америку, чтобы подцепить папика позеленее, ничего не делать и жить припеваючи. Колин волен тратить сколько угодно денег на маму, но с моей стороны будет неправильно принимать подарки в виде покупки вещей. Достаточно того, что я живу под крышей его дома и ем его еду, будь это даже противные склизкие хлопья.

И я вовсе не принадлежу к тому типу феминистски настроенных дам, которые с пеной у рта визжат, что хотят разделить с мужчиной счёт и отказываются от подарков. Я вообще не такая. Мне приятно мужское внимание, приятно ощущать заботу самца, так же как и любому нормальному самцу нравится заботиться о самке. Роли между мужчинами и женщинами давно распределены, так к чему изобретать велосипед и пытаться навязать новые правила? Вот только Колин не мой самец, а мамин, и поэтому мне ничего от него не нужно, кроме хорошего отношения к ней. Но Малфой, конечно, так не думает. Впрочем, это его проблема.

Расправившись с хлопьями, я переодеваюсь в спортивные легинсы и отправляюсь на пробежку. Обычно я предпочитаю занятия в спортзале, но пока буду довольствоваться имеющимися возможностями. По дороге встречаю много бегунов, некоторых даже с собаками. Я поклонница красоты европейских мужчин, но, оказывается, и здесь попадаются неплохие экземпляры. Бег у нас в России не так популярен, наверное, из-за нестабильных погодных условий. Да и воздух на Маяковке, где я живу, такой тяжёлый и спёртый, что после полчасовой пробежки лёгкие в пору выплюнуть.

Возвратившись домой, я иду в душ. Нужно подумать, что надеть вечером. Как ни крути, эффектный внешний вид добавляет уверенности в себе, а уверенность мне понадобится, потому что гадкий Малфой не преминет выкинуть какую-нибудь Аваду Кедавр. Пора доставать бузинную палочку.

Раздаётся переливчатый звонок в дверь, и мы с мамой и Колином как по команде срываемся со своих мест. Интересно, как Малфой одевается, когда папочки нет рядом? Спорю, что не так. Сегодня он в светлых джинсах и голубом свитере, оттеняющем его лживые глаза. Ни намёка на щетину, волнистые волосы уложены гелем, на лице сияющая улыбка. Если бы сейчас объявили кастинг в сладкий бойз-бэнд, его взяли бы без прослушивания. Девушка рядом с ним под стать его внешнему виду: милый пасхальный кролик. Они как Дэвид и Виктория Бекхэм в приторной карамельной версии. Одеты с иголки и идеально счастливые. Камилла красива, с этим не поспоришь. Умилительная блондинка с маленьким розовым ртом и круглыми голубыми глазами. Бежевое платье до колен и голубой кашемировый кардиган. Фигура хорошая, грудь большая. Блондинка в законе, правда, без дурацкого ободка.

– Гас! – радостно восклицаю я с порога и обвиваю руками его шею. Удивительно, теперь, когда я знаю, какой он на самом деле говнюк, аромат «Фаренгейта» идеально с ним гармонирует. – Рада тебя видеть! – Незаметно запускаю пальцы в его волосы и хорошенько прохожусь острыми ногтями.

Волосы у него что надо, густые и мягкие. Даже если пойдёт кровь, объёмная шевелюра скроет это. Я запечатлеваю на его щеке яркий помадный поцелуй и немного отстраняюсь, чтобы насладиться эффектом.

Гас либо в гневе, либо в большом возбуждении: голубые радужки превратились в крутящиеся грампластинки, дыхание сбилось, на скулах играют желваки. Няшка Беннер, кажется, сейчас станет в Халком.

Не дав ему выжечь дыру у себя во лбу, я поворачиваюсь к Камилле. Видимо, она страдает тяжёлой формой паралича глазных мышц, потому что не перестаёт на меня таращиться.

– Камилла, верно? – я расцветаю в своей лучшей улыбке. – Я так рада познакомиться с тобой! Я планирую задержаться в Нью-Йорке очень и очень надолго, поэтому надеюсь стать твоей подружкой. И мы ведь почти родственники, правда? Гас – мой любимый сводный брат, а ты в скором времени станешь его женой.

Я целую воздух за её ушами и оглядываю парочку. Вижу, каждая моя фраза попала в цель. Жаль, что никто из них не догадался одеться в жёлтый, тогда

получился бы светофор. Лицо у Камиллы красное, а у Гаса – зелёное. Ежу понятно, что не всё спокойно в Датском королевстве. Встречаются два года, но вместе не живут. И кольца на её пальце нет, значит, речь о помолвке тоже не идёт. Малфою что, он парень, а в её двадцать семь (я навела справки) хочется детей и выйти замуж. Конечно, сейчас жеребец в ярости, потому что ещё лет пять планирует топтать травку, не надевая упряжки, пока его суженая кобылка скучает в стойле.

- Ну, что же мы стоим, - по-русски голосит мама. - Пройдёмте к столу.

Я разворачиваюсь к застывшей парочке спиной и шествую в столовую, как можно элегантнее переставляя ноги в открытых босоножках. Когда миную прихожую, бросаю взгляд в висящее на стене зеркало: глаза Малфоя недвусмысленно устремлены в район моей задницы. Круцио, сосунок.

Глава 4

Гас

Сука. Злобная стервозная дрянь. Расцарапала мне голову своими кошачьими когтями, довела Ками до трясушки и ушла, виляя задницей. Иисус, дай мне продержаться до понедельника, пока щит в лице её мамы и бдительного отцовского ока исчезнет с горизонта. Она у меня ручки с пола замучается поднимать.

Блядь, и снова эрекция так не вовремя. Духи у неё с феромонами, что ли? От её близости у Гаса-младшего уже второй раз за неделю случается столбняк. Хотя я знаю, в чём дело. Это всё её платье, которое еле прикрывает круглую задницу, голые ноги и красная помада. Которую вот уже пять минут я безуспешно пытаюсь стереть перед зеркалом в туалете, но её след, равно как и стояк, никуда не хочет исчезать.

Какого чёрта она вырядилась на семейный ужин, как для похода в клуб? К чему эти пятидюймовые каблуки и облегающее, словно гондон, платье? Я вижу каждый грёбанный изгиб её тела – разумеется, у меня будет стоять весь ужин.

Спокойно, Гас, нужно просто пережить этот вечер. Потом отвезти Ками домой, позвонить Джейку, снять девочку и как следует её отодрать. А лучше сразу двух девочек.

Я обещаю младшенькому весёлую ночь в обмен на двухчасовое расслабление и выхожу из туалета. Родственники уже сидят за столом: Ирина развлекает бессмысленным трёпом Ками, которая, кажется, успокоилась. Это ещё одна причина, по которой матрёшку надо высечь. Камилла с матерью последние полгода намекают, что пора бы мне раскошелиться на бриллиант. Ну я и раскошелился. На бриллиантовые серьги, потом на ожерелье. И на браслет тоже денег не пожалел. Ну рано мне ещё жениться. У меня работы невпроворот, нет времени организовывать свадьбу, перевозить вещи. Не до этого сейчас.

– Гас, милый. – Матрёшка медленно втягивает в рот канapé и щурит кошачьи глаза, на что младший реагирует, как оголтелый щенок: скулит и дёргается в штанах, выламывая молнию. – Мы с Камиллой договорились прогуляться по магазинам. Раз уж я буду работать твоим личным ассистентом, мне нужна соответствующая одежда.

Нет, ей недостаточно жить в моём доме, работать у меня на фирме, она ещё и к Ками подбирается. Как чёртов сорняк пускает свои отравленные корни повсюду. Хера с два я дам запудрить голову моей девушке всякими русскими штучками.

– Я никогда не был в России, – подчёркнуто широко улыбаюсь, давая понять, что нисколько не жалею об этом упущении, – и не знаю особенностей ведения бизнеса в вашей стране, но в нашей с отцом компании мы серьёзно подходим к приёму персонала на работу. Я накидал основной список требований к своему помощнику, включая дресс-код. Буду рад, если ты с ним ознакомишься, прежде чем выберешь себе одежду и приступишь к работе. Вышлю его тебе по электронной почте. У вас ведь в России пользуются электронной почтой?

Лепок говна попадает прямо в цель. Глаза русской извергают молнии, и по тому, как её ладонь с длинными красными когтями стискивает стакан, я понимаю, что она представляет на его месте мою шею.

– Пользуются, Гас, – медленно растягивая слова, матрёшка берёт в руку телефон. Надо же, десятый айфон. – Диктуй свою почту.

– gus1990@gmail.com, – произношу я тоже медленно и по буквам, как если бы общался с умственно отсталой.

– Гас пишется как «гусь»?

Стерва невинно хлопает загнутыми ресницами, и в этот момент мой телефон вибрирует новым входящим письмом:

«Выкуси, Малфой».

Малфой?! Она сравнила меня со злобным сопляком из детской книжки?

Я иду на своё место рядом с Камиллой, которая, позабыв обо всём на свете, следит за нашей словесной перепалкой, по пути набивая ответ slavushka_055:

«Гас пишется как „Я поимею твой рот и твою задницу, если ты ещё раз выпустишь когти“».

Жму «отправить» и целую Ками в висок. Её плечи расслабляются, и она цепляется за мою руку. Камилла ревнует? Никогда за ней такого не замечал. Вот же русская дрянь – всего пару дней в Нью-Йорке, а уже столько проблем.

– Давайте выпьем за знакомство, – объявляет Ирина, пока отец разливает по бокалам «Шардоне».

– Мне совсем немного, – застенчиво улыбается стерва, протягивая бокал. – Я легко пьянею.

Я делаю в голове пометку, что у нас тут уникальный образец малопьющего русского, и уже представляю, как использую это в будущем. Каждая фантазия помечена значком 18+, и в каждой фигурируют чёрный латекс и смазка.

Где-то посреди моих БДСМ-фантазий вибрирует телефон, лежащий на скатерти. Ками ревностно впивается в него взглядом, но я успеваю закрыть ладонью экран и успокаивающе глажу её по коленке.

– Это по работе, малыш.

На экране пляшут чёрные буквы от slavushka_055:

«Когда я засужу тебя за сексуальное домогательство, не забудь передать старику Вайнштейну привет. Говорят, на старости лет он не брезгует мужскими задницами».

Вместо ответа, я прикрепляю файл, который накидал вчера после того, как вернулся с тренировки. Там пунктом номер один значится, что обращаться ко мне она должна не иначе как «сэр». Во втором указано, что должна носить чулки. Про длину юбок и количество расстёгнутых пуговиц я тоже написал. Признаю, психанул, но она ведь в любой момент может уйти, правда? С такими данными её в любом стрип-клубе с руками и ногами оторвут, и уж я не поленюсь наведаться к ней на приват, чтобы она своей рабочей задницей отшлифовала мои колени до блеска.

Я перевожу взгляд на противоположную половину стола: матрёшка как ни в чём не бывало болтает с отцом о баскетболе. Ну да, они же в России тоже смотрят НБА. Нормального баскетбола-то у них нет.

– Пап. – Салютую бокалом вина и делаю глоток. – Я думаю, ты был прав. Слава никого не знает в Нью-Йорке, и ей небезопасно оставаться одной в доме. Пожалуй, лучше мне будет пожить здесь, чтобы с ней ничего не случилось.

Ками ощутимо дёргается, но я не обращаю внимания. Ничто не мешает моему плану поставить матрёшку на колени. И мысли о минете в исполнении её сочного рта придётся выкинуть из головы, потому что у Гаса-младшего слишком большие планы на жизнь, чтобы быть отравленным её жалом. Чёрт знает этих русских, может, у них вместо крови яд «Новичок».

Глава 5

Слава

1. На работе обращаться ко мне исключительно «сэр».

2. Ношение чулок обязательно, допустимые цвета: чёрные и бежевые.
3. Рубашка шёлковая, белая, допускаются пастельные вариации. Первые три пуговицы расстёгнуты (да-да, расстёгнуты, матрёшка, прятать тебе особо нечего).
4. Юбка чёрная, мини. Допустимая длина: десять дюймов выше колена (английскую систему мер изучи в интернете).
5. Волосы распущены. И никаких этих ваших косичек.
6. Каблуки не ниже четырёх дюймов.
7. Макияж неброский, красная помада обязательна (личная просьба: пусть она будет устойчивой, не люблю разводы на члене).
8. Не вступать в отношения с сотрудниками (богатого папика ищи подальше от моего офиса).
9. Утренний кофе у меня на столе должен быть не позднее восьми утра. Теперь его делаешь ты. Чёрный с двумя кусками сахара (когда вылетишь из моего офиса, сможешь сделать карьеру в «Старбакс»).
10. Первое опоздание – выговор, второе – предупреждение, третье – увольнение.
11. Выполняешь только мои поручения и больше ничьи.
12. Желание сделать минет боссу всячески приветствуется.

Пока так, матрёшка. В остальном разберёмся по ходу работы. Если тебя что-то не устраивает, я тебя не держу. И если ты не тупая, то скажешь своей мамочке и отцу, что передумала. А с новым местом я тебе, так и быть, помогу. В клубе «Пусикэт» сейчас как раз набор новых девочек. Замолвлю за тебя словечко, возьмут без кастинга.

Ногти впиваются в силиконовый чехол моей прелести (это я про айфошу, конечно). Смазливый ушлёпок! Ему не помощница нужна, а порноверсия гейши.

Для этого я пять лет засыпала на конспектах и во время госников на редбулльной диете сидела? Чтобы манекеном нижнего белья работать? Соображай, Славик, соображай.

Сдаваться я не привыкла. Потому что русские не сдаются. Портить настроение маман перед отдыхом – да ни за что. Мне же не три года, я за свою лопатку в песочнице сама могу постоять. И здесь всё-таки не спор, у кого ведёрко краше – честь нации на кону.

С опозданиями, положим, у меня проблем не будет. Я девять лет по будильнику вставала, чтобы успеть выгулять Пюрешку до того, как он напрудит лужу под дверью.

Не водить шашни с сотрудниками – да запросто. Я вообще отношений заводить не собираюсь. А если и соберусь, то подойду к этому вопросу обстоятельно. Может быть, через годик и обязательно с русским. Всё-таки российский менталитет мне ближе. У нас, как ни крути, мужики понятные. Пусть не красавцы, зато душа нараспашку, и улыбаются они не потому, что так надо. А не этот лапчатый, у которого словно челюсть заклинило. Радужный Гуинплен, чтоб его.

Кофе, чёрт с ним, сделаю, не переломлюсь. Я его и отцу на работе делала. И сэром назову. Откуда вообще такое желание в его маленькой воображаемой проекции мира – увидеть Россию на коленях?

А вот с дресс-кодом нужно что-то решать. Если отец меня чему-то и научил за время работы на него, так это тому, что ничего нельзя делать наполовину. И уж если мне суждено нарядиться шлюхой, то такой, чтобы Фаберже у местных звенели. Даже в патовой ситуации можно выйти победителем, если вовремя шахматную доску уронить.

Я хватаю айфошу и вызываю такси. Настала пора шоппинга.

Возвращаюсь поздно вечером с горой бумажных пакетов. На Пятую авеню я, разумеется, не поехала: моя мастеркард не резиновая. А вот пошопиться в «Мейсис» от души получилось. Дышу, как загнанный Тототка, но улыбка с лица не сходит. Вот что значит порция новых тряпочек для девочек.

Мама носится по дому как угорелая в предвкушении поездки, собирая всё до последней мелочи. По опыту знаю, что это только мы, русские, в поездках такие запасливые. У нас в чемоданах, как в закромах у Плюшкина, найдётся всё: активированный уголь, лекарство от диареи, нитка с иголкой, штопор, утюг, туалетная бумага, зонт и даже бомж-пакет на случай непредвиденной голодовки. Потому что мы всегда подсознательно готовимся к худшему. Поэтому и разочаровываемся редко.

И я рада за маму, правда рада. Она всю жизнь мечтала о сказке, и наконец нашёлся мужчина, который её подарил. Кругосветное путешествие с любимым, чем не сказка? Ещё одно подтверждение тому, что после сорока жизнь только начинается. Нужно будет не забыть об этом, если на моём пути встретится ещё один любитель помахать шлангом на чужом газоне. В глазах окружающих я Железная леди, Славик-стальные яйца. Одна только Верушка знает, сколько часов я редела у неё на коленях, когда узнала, что мой Серенький мне изменял. Потому что каждая женщина, какую бы альфа-самку и охотницу за пенисами из себя ни корчила, мечтает об одной-единственной большой и чистой любви.

- Славик, я так нервничаю. - Мама мечется по кухне словно хомячок под экстази. - Это ведь так надолго... А вдруг я подцеплю заморскую болячку?

- Эболу? - уточняю я, с трудом сдерживая смех.

- Да хоть и её.

- Просто не ешь сырых обезьянок, мам, и всё обойдётся.

Мама хмурится, не желая воспринимать мою попытку её развеселить.

- Всё бы тебе над матерью шутить, Славик. И тебя здесь одну оставляю. Совсем одну.

- Да что со мной случится, мам? Тем более я под присмотром Гаса.

- Кстати, о нём. Ты бы оделась попримечнее, он скоро приедет.

То есть его слова о переезде сюда не были блефом. Мы действительно будем жить под одной крышей несколько месяцев. «Том и Джерри. Возвращение», чтоб меня.

– А что не так с моим внешним видом, мам?

Я скептически оглядываю себя. На мне удобные бойфренды и кумачовая футболка от Гоши Рубчинского с надписью «Готов к труду и обороне» – подарок Верушки на день рождения. В стране латинского алфавита брендовая кириллица греет душу.

– Ну, может быть, сарафанчик или платьишко? – кокетливо щебечет мама, словно говорит не с дочерью, а со своим ухажёром, которого во что бы то ни стало нужно уговорить купить эти самые «платьишко и сарафанчик».

– Реснички подкрась. Знаешь, у Гаса очень симпатичные друзья.

Крэбб и Гойл, ага.

– Пожалуй, воздержусь, мам, – отвечаю я твёрдо и быстро перевожу тему:

– В аэропорт возьмёте такси?

– Гас хотел нас отвезти, но Колин предпочитает такси. Не хочет напрягать сына. Гас много работает и очень устаёт.

Язвительная фраза о нетрудоспособности Малфоя уже готова слететь с языка, но я вовремя одёргиваю себя, потому что в этот момент со второго этажа, грохоча чемоданами, спускается Колин.

– Дождёмся Гаса и можем ехать. – Стирая со лба капли пота, он широко улыбается маме и целует её в висок. Всё-таки Колин отличный дядька. – Он звонил, сказал, что будет через десять минут.

Через двадцать минут мы вчетвером стоим на улице. Мама виснет на моей шее и по ощущению брызг на локтях, пытается незаметно окропить меня святой водой. Чисто в научных интересах хочется взять склянку у неё в долг и брызнуть в Гаса.

Вдруг его идеальная кожа вспузырится, и он заговорит на древней латыни.

– Я рассчитываю на тебя, сын, – произносит Колин дрогнувшим голосом и притягивает Малфоя в объятия. Тот крепко обнимает его в ответ и жмурит глаза. В эту секунду он выглядит почти милым, отчего я невольно начинаю улыбаться.

Но моя улыбка быстро меркнет, когда Гас отстраняется и, повернувшись ко мне, крепко стискивает рукой талию, так что рёбра хрустят.

– Можете быть спокойны за Сла-ву, – нараспев обращается он к маме. – Я о ней позабочусь лучше старшего брата.

Улыбаясь, заглядывает мне в глаза с высоты своего роста, скользит рукой ниже и начинает неспешно поглаживать мои ягодицы.

Я сладко улыбаюсь ему в ответ, стоически выдерживая нападки западных войск на мою пятую точку, и почёсываю средним пальцем кончик своего носа. Малфой скалится ещё шире и начинает лапать меня активнее.

Едва двери такси захлопываются, и немолодые, гремя невидимыми консервными банками, скрываются из виду, я отпрыгиваю от Гаса и тренированной пятью годами волейбола ладонью отвешиваю ему затрещину.

– Ещё раз прикоснёшься к моей заднице, – шиплю ему в лицо, – сможешь исполнять ведущую партию в женском хоре.

Моя рука горит, словно я с размаху впечатала её в кирпичную стену, а Малфой и глазом не ведёт. Щёлкает меня по носу и задорно подмигивает.

– Не рычи, матрёшка, а то внесу в договор о найме хождение без трусиков. По понедельникам я такой самодур.

Глава 6

Гас

Мёртвые котята, папаша Дженнер, Донателла Версаче, задница Ким без фотошопа, голый Трамп, абсолютно голый Трамп, Эшли Грэм в купальнике, Эшли Грэм без купальника... очень много мёртвых котят!

Это официально: я долбоёб. Потому что только долбоёб мог засунуть в трусы гранату и выдернуть чеку.

Я срываюсь с места, пинком распахиваю дверь в офисный зал и ору так, что у самого уши закладывает:

- Вы, может, блядь, заткнётесь уже? Женских ног не видели?

Жужжащий гул стихает, сотрудники переглядываются между собой и начинают шептаться на два тона тише. А я, как краб, враскорячку возвращаюсь в кресло, потому что у меня здесь катастрофа. Ядерный гриб в трусах, если не сказать хуже. Ну на кой чёрт меня дёрнуло выдумать этот дресс-код? Да я и представить не мог, что матрёшка подойдёт к этому заданию так серьёзно.

Начнём с того, что отец велел мне отвозить её на работу. Я, конечно, сделал вид, что забыл, и уехал без неё. Думал, психанёт, плюнет на всё и останется греть задницей кроватку. Ни черта подобного.

Ровно в восемь, ни минутой раньше, ни минутой позже, Сла-ва без стука вошла ко мне в кабинет. Я чуть не завыл. На малиновых губах ухмылка, рубашка полупрозрачная, как я и просил, расстёгнута ровно на три пуговицы, и вглядываться не нужно, чтобы под ней разглядеть кружевной бюстгальтер с уймой каких-то тесёмок. Чёрная юбка, как вторая кожа, облегает осиную талию и бёдра... И ноги, эти её бесконечные ноги в чёрных остроносых шпильках. И как вишенка на торте – свинцовая пуля в голову одуревшему младшенькому – на носу очки в охренительной оправе. Секси-училка. Королева школы. Влажная мечта всех студентов. Звезда порнофильмов.

Походкой от бедра она подошла к столу, грохнула передо мной чашкой с кофе. Скрестила руки на груди, формируя соблазнительный капкан, в который я, как голодный мышонок, сразу же попался взглядом, и выжидающе посмотрела. Я

перевёл взгляд на чашку, а потом снова на неё. Стерва хищно оскалила белые зубы и стрельнула бровью вверх. И в тот момент я двадцать пятым кадром заметил на её лице то самое выражение, которое было у Тайлера Дердена, когда он мочился в суп. Сглотнув, я отодвинул от себя кофе. Не было ни единого шанса, что я его выпью. И чашку, пожалуй, стоило бы заменить.

Матрёшка эффектно встряхнула волосами, словно за моими плечами съёмочная группа писала рекламный ролик, плюхнулась на край стола передо мной и закинула ногу на ногу. Я, как озабоченный малолетка, начал пялиться на её оголившиеся бёдра, где кружевная чёрная резинка от чулок обхватывала загорелую кожу.

– Просто чтобы вы убедились, что чулки на месте, сэр, – томно прошептала она и спрыгнула на пол. – Покажете мне мой кабинет?

Хороший вопрос. Показал бы, если бы смог встать без риска опозориться на весь офис топорщащимся в штанах парусом.

Я подобрал слюни и сделал серьёзное лицо.

– Кабинет вам покажет моя секретарша. У меня есть дела поважнее.

Например, побороть чугунный стояк.

– Можете идти, Сла-ва.

Матрёшка развернулась к выходу, и я специально отвёл взгляд в сторону, чтобы не пялиться на её вид сзади. «Соберись, Гас, – сказал я себе. – Это просто девчонка. Дела прежде всего».

Едва дверь за ней захлопнулась, я набрал Хизер. Хизер – моя правая рука в самом лучшем смысле этого слова. Десница короля. Мой двестифунтовый темнокожий телохранитель, готовый разодрать глотку любому, кто покусится на мой покой. Я профессионал своего дела и не из тех, кто держит под рукой тупорылое мясо с дыркой вместо рта, чтобы справлять хозяйские нужды в обеденный перерыв. Моя секретарша знает своё дело на отлично.

– Детка, у меня появилась помощница. Будь добра, покажи ей кабинет по соседству.

В трубке послышалось обиженное сопение:

– С каких это пор я тебя не устраиваю, засранец?

– Ты великолепна, звезда моя, но тебя я берегу для стратегически важной работы. А помощница займётся тем, что попроще.

– Ах ты, подхалим, – довольно заурчала Хизер. – Новенькая смогла приготовить тебе кофе?

– Смогла. – Я насторожённо покосился на чашку и кончиком пальца отодвинул её к краю стола. – Но я подумал, что твоим заботливым рукам доверяю больше.

– Мой мальчик, – удовлетворённо констатировала десница и отключилась.

Я вышвырнул бы пинком под зад любого за подобную дерзость, но этой женщине позволено всё. Она как capitoлийская волчица для нас с отцом, с тех пор как мать решила, что мы ей на хер не нужны.

Я, может, и не лучший парень и сын на свете, но к работе отношусь серьёзно. Во-первых, потому что не хочу подводить отца, халатно относясь к тому, что он создавал годами, а во-вторых, потому что получаю настоящий кайф от того, что делаю. Наша компания занимается разработкой компьютерного софта и мобильных приложений, и я лично участвую в процессе. В штате у меня работают настоящие гении. Последнее наше приложение с фильтрами для фото скачано больше десяти миллионов раз. Вообще, за смартфонами будущее – вещь, помещающаяся в кармане, объединила в себе множество других: компьютер, телевизор, фотоаппарат, книги, музыкальный плеер, даже фонарик. Для кого-то она заменила друзей и живое общение, и это печально. Потому что ничто не заменит настоящих друзей. Таких, как моя банда. Неплохо было бы собраться на неделе и устроить веселье матрёшке.

И, кстати, о ней. Надо бы её проверить.

Я выхожу из своего офиса и без стука (ну так я же босс) влетаю в соседний кабинет. Матрёшка склонилась над столом так, что я замечаю кружевной верх её чулок, и старательно начищает салфетками стеклянную поверхность. Младший снова начинает подавать признаки жизни, словно и не было ночного марафона до мозолей с двумя цыпочками.

Этот кабинет раньше был моим, когда отец был ещё у дел, и сколько себя помню, здесь царили хаос и разруха. Сейчас же полки сияют, на столе идеальный порядок, в воздухе витает свежий мятный аромат, а у окна зеленеет какая-то пальма в горшке. Сколько Сла-ва здесь пробыла? От силы пятнадцать-двадцать минут? Откуда у этой девчонки способности ртути?

– Вижу, осваиваешься? – говорю я ничего не значащую фразу, пока мысленно учу младшенького команде «место» и решаю, чем мне её занять. Честно говоря, я совершенно не готов к совместному рабочему дню, потому что был на девяносто процентов уверен, что она не придёт.

– Не люблю сидеть без дела, – бросает матрёшка через плечо, откидывая волосы назад.

И снова перед глазами вспыхивает непрошенная картина, как я сгребаю в ладонь её волосы и наматываю на кулак. Интересно, сколько раз они обернутся вокруг моей ладони? Раза два точно. Они у неё ниже лопаток, густые, с богатым красноватым отливом, плотным занавесом, закрывающие спину. Ой, блядь, о чём я думаю?

– Мне нужны сводки о вышедших за последние три месяца новинках программного обеспечения, – сочиняю я на ходу. – Сегодня к трём отчёт должен быть готов. На следующей неделе прилетают наши партнёры из Японии – забронируй стол в «Пруденс» на шесть персон. Четверг, в семь вечера. Возьми у Хизер моё расписание, с этого дня ты моя тень и на всех собраниях мой личный летописец. Распоряжусь, чтобы тебе выдали ноутбук и канцелярские принадлежности. Отчёт жду сегодня по электронной почте.

Матрёшка слушает молча, и я почти вижу, как работает её жёсткий диск, фиксируя полученную информацию.

Я разворачиваюсь, чтобы пойти к выходу, и в этот момент слышу, как кто-то скребётся в дверь. Распахиваю её рывком – на пороге стоят три моих компьютерщика. Один держит «Макбук» в упаковке, второй – коробку, забитую какой-то требухой вроде бумаги, скотчей и степлеров, третий приволок принтер, на котором возвышается ещё одна пальма.

Заметив меня, они застывают в дверях, неловко переглядываясь. Та-а-ак, русская в офисе не больше получаса, а уже обзавелась миньонами. И главное, это не какие-нибудь заикающиеся прыщавые ботаны, которые в своих компьютерных подземельях не видели женского пола, а вполне себе симпатичные и общительные парни. Я пару раз на корпоративных мероприятиях видел, как они окучивают девочек, – думаю, там даже мне есть чему поучиться. И вот на тебе, стоят три слюнявых гнома, готовые на всё ради своей принцессы Белоснежки.

– Сэр, – нарочито растягивает обращение матрёшка, – не хотела вас беспокоить по пустякам, поэтому взяла на себя смелость попросить мальчиков мне помочь.

Вертя задницей, она подходит к Солу, с широкой улыбкой забирая у него пальму. У того на лице такой щенячий восторг, словно Анджелина только что сообщила о том, что решила его усыновить. Остальные нервно топчутся на месте, ожидая своей порции милости от русской императрицы.

– Ставьте всё на стол и выметайтесь, – громко командую я ошалевшим гномам, чтобы вывести их из похотливого ступора.

Удивительно, что чулки ещё держатся на её ногах, потому что эти трое обглодали их взглядами, словно стая озабоченных пираний.

Едва дверь за ними закрывается, я поворачиваюсь к матрёшке, которая с невинным видом извлекает «Макбук» из коробки. На складе полно техники, но льстивые падаваны достали для неё самый лучший, который я покупал для себя.

– Это в первый и последний раз, когда ты просишь о чём-то моих сотрудников минуя меня, – сообщаю грозно.

– Простите меня, сэр. – Русская напускает на себя виноватый вид и выпячивает нижнюю губу. – Обещаю, этого больше не повторится.

Я разворачиваюсь на пятках и покидаю кабинет, потому что картина, как я перегибаю её через стол и шлёпаю по заднице, становится чересчур красочной. Кажется, мне всё же придётся пересмотреть дресс-код и заpastись льдом, пока эта царь-бомба не разнесла к херам мой Пентагон.

Глава 7

Гас

Я в общем-то слышал, что русские трудолюбивы, но, кажется, именно мне достался помешанный на работе экземпляр. Отчёт, над которым три дня трудился мой аналитик, был у меня на почте уже в два. Надо пересмотреть премию этой ленивой заднице, который притащил мне его с таким видом, словно добыл золотое руно.

Как матрёшке удалось забронировать стол в «Пруденс», я до сих пор понять не могу. Единственное объяснение, которое мне приходит на ум, – это то, что она подключила русскую мафию. Я не зря выбрал этот ресторан, потому что в этот храм гастрономических оргазмов места нужно бронировать за месяц вперёд.

Посреди совещания пришлось сказать, что я в услугах стенографистки не нуждаюсь, потому что Сла-ва своим присутствием разрушала весь рабочий настрой. Я будто в бульдожьём питомнике очутился: у каждого за столом глаза одуревшие, челюсть приоткрыта и слюна висит.

Нет, с дресс-кодом нужно завязывать, иначе придётся в мужской туалет выпускать «Плейбой» подкладывать. Здоровые же все мужики. Теперь причин, чтобы избавиться от матрёшки, стало на одну больше – у меня непрекращающаяся эрекция, а это губительно сказывается на рабочем процессе. И каждый раз, когда она произносит своими сочными губами слово «Сэр», я представляю её в таких позах, какие актёрам из «Браззерс» и не снились.

После работы я решаю поехать к Камилле, немного выпустить пар. Целенаправленно забиваю на то, как матрёшка доберётся до дома – она же как-то сюда приехала. Но меня и здесь ждёт сюрприз. На выходе из офиса я

наблюдаю петушинные бои своих сотрудников за право прокатить попку русской до дома. Вдоль дороги выстроилась очередь из машин, а их владельцы обступили Сла-ву кольцом и заискивающе заглядывают ей в рот. Та будто даже растерянной выглядит, пока они своими облезлыми хвостами перед ней трясут. Наверное, выбирает, у кого тачка круче. Ясен хер, у кого она круче – у папочки Гаса. «Мерседес AMG ЖиТи»: пятьсот восемьдесят пять лошадей, три и шесть до сотни. Девчонки ртом на член падают, едва касаются задницами сидений.

И вот как-то само собой выходит, что я вклиниваюсь в плотный хоровод тестостерона и объявляю:

– Это Сла-ва Жданова, моя сводная сестра. Желающие породниться, запишитесь ко мне на собеседование, предоставьте родословную до четвёртого колена, медицинскую справку об отсутствии венерических заболеваний, номер полиса социального страхования и сочинение на одну страницу о себе. Рассмотрю в порядке живой очереди. А пока, кыш на хер отсюда.

Хватаю русскую за руку и тащу в сторону парковки.

– Ты чего себе позволяешь? – шипит ведьма, пытаюсь вырваться из моей хватки.

Я дёргаю её к себе, так что хрупкая тушка впечатывается мне в грудь, и рычу ей в лицо:

– Я же предупреждал, матрёшка, что запрещено вступать в отношения с сотрудниками. Чтобы искала спонсора своей безбедной жизни подальше отсюда. Я прекрасно знаю, чем такие поездки заканчиваются, и не позволю ни одному из своих ребят вляпаться в это дерьмо.

Зелёные глазищи, как свет джедаевского меча, рубят меня на части.

– В это дерьмо?! Если ты привык к дешёвому перепиху на заднем сиденье, то это не значит, что другие хотят того же. Думаешь, я не знаю, что твой отец велел подвозить меня до работы? Ещё раз кинешь меня, как сегодня, я из твоего члена кровяную колбасу сделаю и скормлю дворнягам.

Сла-ва зло скалится, прижимаясь грудью, и через рубашку я чувствую твёрдость её сосков. И, блядь, я так хочу её в этот момент, что мне физически больно. Хочу, чтобы она шипела ругательства, извивалась и царапалась подо мной, пока я буду жёстко трахать её, а с развратных губ не сорвётся «Ещё, Гас».

Я молчу и пялюсь в сверкающие бешенством глаза, ощущая на своём лице её карамельное дыхание, вколачивающее новую порцию возбуждения в мой член. Ведьма тоже молчит, гипнотизируя мой рот. И, клянусь, в этот момент мы оба выглядим одинаково: как два худеющих жирдяя в кондитерской лавке, пытающиеся сожрать пончик, не засовывая его в рот.

- Какого чёрта ты тычешь этим мне в живот? - хрипит матрёшка.

С Гасом-младшим в разведку лучше не ходить: сдаст на первом же задании.

- Ничего личного, матрёшка, - усмехаюсь я и отхожу от неё на безопасное расстояние. - Вспомнил русское порно категории «Три в одной», актриса была очень на тебя похожа.

Ведьма злится, но не теряется:

- Приходится прибегать к дополнительной стимуляции? - Она делает сочувственное лицо и небрежно скользит взглядом по затаившемуся младшему. - Это всё узкие джинсы и плохая экология.

Какие ещё узкие джинсы? Я нормальный мужик и всегда даю своему парню дышать.

- Когда ты придёшь ко мне в спальню и будешь умолять тебя трахнуть, я тебе это припомню, - не задерживаюсь я с ответом.

Матрёшка кривит пухлый рот, словно я только что помахал перед её носом дохлой жабой, и бормочет что-то по-русски, что звучит примерно как: «Не для тебя маменька цветочек растила».

Я решаю позже выяснить, что она имела в виду, и подтаскиваю её к моей чёрной красавице.

– Прыгай в люльку. И пристегнуться не забудь.

Стерва напускает на себя безразличный вид, но я вижу, как восторженно вспыхивают её глаза, когда она осматривает полированные бампера моей «пантеры». Да, эта тачка никого не оставляет равнодушным.

– Чего улыбаешься? – огрызается она, забираясь внутрь. – Я видела и получше.

Тихо извиняюсь перед «пантерой» за дерзкую хамку и прыгаю за руль. Жму на кнопку «пуск», зверюга рычит. Они с матрёшкой чем-то похожи: строптивные кошки с идеальными изгибами.

– Ты не пристегнулась, – сообщаю я, когда мы вырुливаем с парковки.

Матрёшка вытягивает длинные ноги и со стоном скидывает каблуки.

– Мне и так хорошо. Или ты совсем водить не умеешь?

Русская экстремалка. Есть же закон. К чему нарушать его на ровном месте, да ещё в ущерб своей безопасности? Я секунду таращусь на убийственный вид, прикидывая, как её икры будут смотреться на моей шее, после чего со вздохом перегибаюсь через консоль и перехватываю грудь матрёшки ремнём. Её запах проникает в ноздри: нежный, едва уловимый парфюм со щепоткой чего-то охеренного, долбящего прямоком по нервным окончаниям. Тёплое дыхание дразнит шею, и кожа так близко, что можно прикоснуться губами.

Долбаная ведьма! Я щёлкаю застёжкой и откидываюсь в своё кресло. Нужно избавляться от неё поскорее, и я начну прямо завтра.

Глава 8

Слава

Подлый хорёк. Чёртов пингвин-переросток. Он вообще рехнулся?

Меня трясёт от гнева, пока я беспомощно верчусь на сиденье такси, торча в километровой пробке на шестьдесят седьмой авеню. А часы на пыльной торпедке тем временем показывают восемь двадцать. Впервые за полгода нашей крепкой дружбы айфош меня подвёл, и запрограммированный на шесть утра будильник не прозвонил. Причина банальна – он был выключен. Случайность? Не думаю. Просто один одноклеточный, ночующий со мной под одной крышей, возомнил себя Доктором Зло. Жалкий крысёныш. На такую дерзость с его стороны я не рассчитывала – Малфой осмелился пробраться ко мне в комнату, пока я спала, и сделал мою прелесть своим сообщником.

Мысленно подвергаю его заклятию «Империус» и заставляю жевать собственную подошву. Разумеется, я ему отомщу.

В офис я вхожу без пяти девять. Грозная Мамушка выныривает из-за стойки ресепшен, словно бегемот из болота, и впивается в меня взглядом.

– Мистер Леджер срочно просил меня зайти, – бросаю с ходу и, предвосхищая её попытки меня задержать, распахиваю дверь в кабинет Малфоя.

Вот я так и знала, что стоит Колину уехать, как Коля Басков превратится в рокера на гастролях. С ухмылкой глядя на меня, Малфой небрежно покачивается в кресле: тёмные волосы взъерошены, и без того впалые скулы оттеняет двухдневная щетина, плечи натягивают чёрную толстовку. Красивый ублюдок.

– Ты охренел? – Я хлопаю дверью перед носом у подоспевшего Цербера и решаю сразу перейти к делу.

– Охренел, – соглашается Малфой. – А ты опоздала. Сегодня ограничимся предупреждением. Ещё два прокола, и ты вылетишь отсюда в мир фальшивого загара и трусов, набитых мелочью.

– Ещё раз войдёшь ко мне в комнату, пока я сплю, – узнаешь, какова русская барыня в гневе.

На лице поганца расплывается неоновая улыбка, будто зажглась ёлка в Сокольниках.

– Спасибо, что уточнила, матрёшка. В следующий раз, когда я окажусь в твоей спальне, ты точно не будешь спать.

Он засовывает в рот зубочистку и наглым взглядом сканирует моё тело от корней волос до бархатных кончиков Исабель Марант. Вскидывает бровь и похлопывает ладонью по столу.

– Тащи сюда свою милую попку, матрёшка. Вчера ты наглядно продемонстрировала мне пункт два, не вижу смысла не сделать это традицией.

Долбаный извращенец. Пересмотрел фильмов о развратных секретаршах он, что ли? Но краснеть и заикаться я, естественно, не собираюсь, хотя, если честно, очень хочется. Я же нормальная девушка, в конце концов, и мне не чужды стыдливость и смущение.

– Рианну свою на стол посади, – весело подмигиваю. – Если, конечно, он выдержит.

С удовлетворением замечаю, как ухмылка слетает с лица Малфоя, и он поднимается из кресла. В этот момент он сам Сатана: в глазах полыхает адское пламя, поступь тяжёлая, словно за ним тянется драконий хвост. Желание выскочить за дверь становится невыносимым, но я держусь.

Он подходит ко мне вплотную и впивается взглядом в лицо. В зрачках-грампластинках крутится «Имперский марш». Я задираю нос, отвечая ему тем же взглядом. Пусть знает, что я его не боюсь. И пока я думаю, чем бы поостроумнее его поддеть, огромная лапища ложится мне на бедро и лезет под юбку. Во рту становится сухо, словно кто-то хорошенько прошёлся внутри него феном, а в животе взрываются шарики с кипятком.

– Умница, матрёшка, – хрипит Малфой мне в лицо, водя пальцем по резинке чулок. – Они у тебя с поясом или без?

От неожиданности я снова теряюсь, потому что... Не знаю почему. Наверное, потому что его глаза, как хороший топор, вырубает щель в стенах моей обороны и потому что он стоит слишком близко. И ещё потому, что единственным мужчиной, который так интимно ко мне прикасался, был Сергей.

Но всё это кратковременное замешательство, и уже через секунду я вдавливаю свои острозаточенные ногти в его скульптурные скулы и шиплю:

– С поясом, извращенец. Ещё и прозрачные трусики с камешками в комплекте. Купи такие своей девушке и копошись под её юбкой сколько влезет. А на твои американские лапы на своих ногах я накладываю российские санкции.

– Кошка бешеная, – рычит Малфой, натягивая кожу под моими ногтями.

Он даже не пытается скинуть мою руку, как и не предпринимает попыток убрать свою, продолжая выводить зигзаги на моём бедре. «Фаренгейт» и аромат кофейных зёрен смешиваются в его рваном дыхании, вызывая неправильное желание попробовать его на вкус. А ещё мне безумно хочется прочертить кровавые дорожки на его щеках, чтобы посмотреть, как исказится яростью красивое лицо, а вена на виске вздуется.

Я знаю, что со мной. Почти трёхмесячное отсутствие секса и злость. И мне нужно помнить о злости, потому что я не дам этому говнюку одержать надо мной верх.

– Если ты закончил злоупотреблять своим служебным положением, – говорю я, делая скучающий вид, и расслабляю пальцы, – то мне нужно идти работать. Через три минуты я должна быть в конференц-зале, вести протокол совещания. Если, конечно, мой босс об этом не забыл. Скажу тебе по секрету: он такой придурок.

Лицо Малфоя расслабляется, так же как и хватка на моём бедре. Я еле сдерживаюсь, чтобы не вздохнуть с облегчением, но такую слабость, естественно, себе не позволяю.

– Можете идти, Сла-ва. Через две минуты жду вас на собрании.

Остаток дня проходит в относительном спокойствии, не считая шквала идиотских заданий в моей электронной почте: разложить документы за последний квартал в алфавитном порядке, купить билеты на концерт, сдать вещи в химчистку, заказать букет цветов Камилле, перебрать горох, посадить сто кустов роз и бла-бла-бла.

И когда мне в почту прилетает очередное «Красные папки не гармонируют с цветом стен в архиве, замени их на синие», а я готова взорваться, раздаётся стук, и в дверь входит курьер с огромным разноцветным букетом в большой чёрной коробке.

– Мисс Жданова, – ломает язык парнишка, протягивая его мне, – это вам.

Я едва не пишу от удовольствия, потому что какая девушка не любит цветы? Тем более, когда их преподносят Золушке, которую измучила небритая сучка-мачеха из соседнего кабинета.

Благодарю посыльного и тыкаюсь носом в бархатистые лепестки. Интересно, от кого они. Я ныряю пальцами в букет и выуживаю записку.

«Видел тебя сегодня около лифта. Ты выглядела злой и одновременно прекрасной. Хотелось бы узнать, сможешь ли ты стать ещё прекраснее, если улыбнёшься. Буду ждать тебя в шесть на парковке. Красный „Шевроле Корвет“. Просто поболтаем, красавица».

Я аккуратно ставлю цветы на стол и начинаю улыбаться. Приятно, чёрт возьми, что в многомиллионной Америке ценят славянскую красоту.

Через полчаса без стука в кабинет врывается Малфой.

– Ты отнесла мои вещи в химчистку? – строго спрашивает он с порога, словно это вопрос национальной безопасности.

– Цена ведь не имеет значения? – поднимаю я брови.

– Я похож на скупердяя?

На самом деле не похож. Я успела перекинуться парой слов с сотрудниками, они занимают свои должности много лет и, судя по маркам выкатившихся к моим ногам авто, зарабатывают прилично. И также молодой барин не жалеет средств фирмы на мероприятия по сплочению коллективного духа. «Мы команда» – так любят повторять корпоративные западные зомби.

Я небрежно пожимаю плечами и стреляю ногтем в противоположный угол кабинета, где висят чехлы с его люксовыми шмотками.

Проследив за моим пальцем, Малфой озадаченно скребёт затылок и поворачивается ко мне. В глазах суеверный ужас.

– Как?

– Срочная курьерская доставка.

Я покачиваюсь на стуле и картинно полирую ногти о шёлк своей рубашки.

– За дополнительную плату администраторше продукты твоей жизнедеятельности удалили вне очереди, – посылаю ему снисходительную улыбку и укоризненно качаю головой. – Ох, Америка, грязная коррумпированная страна.

По последнему пункту я, конечно, соврала. В прайс-листе химчистки, в которую я обратилась, есть официальные цены на экспресс-услуги, но Малфой об этом знать необязательно. И я бы преуменьшила, если бы сказала, что эта химчистка не станет самой дорогой в его жизни. Может быть, в следующий раз подумает, прежде чем распылять великий российский интеллект на что-то столь незначительное, как подтёки текилы на рубашке.

Малфой ещё несколько секунд щурится на меня, потом переводит взгляд на букет.

– Я же сказал не подбивать клинья к моим сотрудникам.

– Оу, об этом не беспокойся. Это букет от другого мужчины. Ты же советовал поискать папика в другом месте.

Малфой со скрипом перемалывает зубную эмаль и цедит:

– В шесть на парковке. Не опаздывай.

– Я доберусь сама.

– Ты слышала меня, матрёшка. Два раза повторять не буду.

Злой. Злой Драко Малфой.

Глава 9

Гас

Матрёшка жонглирует остатками моего терпения с ловкостью цирковой мартышки. Вот уже пятнадцать минут я наблюдаю, как её обхаживает перекачанный Буцефал в пидорских джинсах. Вот у кого дружок давно задохнулся и сдох.

Придурок показушно напрягает мышцы, облакачиваясь на крышу своей машины, но матрёшка будто не замечает этого позёрства. Хихикает над тем, что он говорит, перетаптываясь на своих убийственных ногах.

Красный «Корвет». Серьёзно? У нормального мужика тачка должна быть чёрной. А красный цвет – это уже компенсация, и, судя по его ширинке, как у пластмассового Кена, там ещё и крыша откидывается.

Конь достаёт телефон и суёт его в руки матрёшке. Теперь они вместе в него уставились. Наверняка он показывает ей свои фотокарточки в плавках, а то вдруг этот гидрокостюм не каждый выступ на нём облепил. А пока матрёшка смотрит в телефон, он взглядом уже свил гнездо в её декольте. Которое, мать его, всё ещё приоткрывает расстёгнутая на три пуговицы блузка. Ага, выждал положенное время и просит её номер – как удобно, ведь телефон-то у неё уже в руках. Казанова восьмидесятого уровня. Пора папочке вмешаться.

Я отрываюсь от двери своей «Багиры» и иду к ним. При виде меня матрёшка нервничает, смотрит насторожённо, словно я сейчас кролика из трусов достану. Подмигиваю ей и поворачиваюсь к её ухажёру. Нет, ну что она в нём нашла? Фродо Бэггинс на стероидах. И в глазах похоть. Ясен пень, он уже представляет, как залезет матрёшке под юбку. Только вот хер ему, а не её чулки с поясом и трусики с камешками.

– Гас Леджер, – протягиваю Буцефалу руку, с удовлетворением отмечая, что он ниже меня на полголовы. – Брат Сла-вы и её непосредственный начальник.

При намёке на родственную связь плечи недостойного расслабляются, и он выдаёт мне хлипкое рукопожатие.

– Алан Хичкок.

– Случайно, не родственник сэра Альфреда? – уточняю я на всякий случай.

Буцефал несколько секунд непонимающе хлопает глазами, после чего решает взять «помощь зала» и оглядывается на матрёшку. Крошечный член и интеллект ротвейлера – чего ещё ожидать от владельца красного спорткара.

– Мы немного заняты, Гас, – кривит губы Сла-ва и демонстративно поворачивается ко мне спиной. – Так ты тоже живёшь в Форест-Хиллс, Алан?

Вот оно что. Императрица выбрала себе ездового жеребца на распродаже. Тот открывает рот, но я его опережаю.

– Сестрёнка, сиденье уже устало, ожидая тебя, – говорю, обнимая матрёшку за талию и притягивая к себе, – и я тоже.

– Какого хрена ты делаешь, – шепчет она сквозь зубы, и в этот момент я смачно шлёпаю её по заднице.

Гас-младший заходится в экстазе, я улыбаюсь, матрёшка рычит, Буцефал в шоке. Идеально.

– Любим с сестрёнкой немного пошалить, – сообщаю я опешившему неудачнику. – Каждой Серсее хочется своего Джейми, если ты понимаешь, о чём я.

Вижу, что не понимает, ну и по хер. Перевожу взгляд на матрёшку.

– Сама пойдёшь, или покажем публике твои камушки?

Я даже залюбовался тем, как она выглядит в этот момент: кошачьи глаза сверкают, как амулет Агамотто, щёки порозовели, ноздри раздуваются и зубы хищно скалятся, как будто матрёшка готова перегрызть мне шею. Завалил бы прямо здесь и наслаждался бы каждой секундой её подчинения. Потому что приручить такую дикую кошку дорогого стоит.

«Лежать, Гас-младший!»

Матрёшка идёт к машине своими ножками, и я решаю, что, пожалуй, стоит начать самому возить её на работу. Найду другой способ изжить её ядовитые споры из своей жизни. А сегодня у меня по плану весёлая ночка. Время представить сестрёнку своей банде.

Я уезжаю в супермаркет, чтобы затариться алкоголем и снеками, а когда возвращаюсь, меня снова ждёт сюрприз. Жизнь с матрёшкой – одно большое шоколадное яйцо. Через мою портативную Flip 4 горланит «50 seconds to Mars», воздух на кухне влажный, и пахнет едой. Запахи странные и незнакомые, но слюну во рту собирают будь здоров. И поварёнок под завывание Лето пританцовывает в спортивных серых шароварах и обрезанном топике, открывающем половину спины. На голове у матрёшки какой-то кокон из волос, и при этом она такая... милая, что ли, и я застываю с пакетами в дверях, пялясь на неё как на няшного котёнка.

– Что это? – киваю на кастрюлю, смаргивая с себя наваждение.

Матрёшка поворачивается ко мне с ложкой в руках, смешно морщит нос и дует на красную жижу.

– Это борщ, браток. Слышал о таком?

Разумеется, слышал. Это то небольшое, что мне достоверно известно о русских: любят водку и едят борщ.

– А пробовал?

Мотаю головой. Нет, не пробовал. И пробовать не собираюсь.

– Не бойся, Малфой, обратное зелье я буду готовить позже, – она широко улыбается и подмигивает. – Пока не раздобыла шкуру бумсланга. Хочешь? – тянет ко мне ложку.

– Предпочитаю проверенную упаковкой еду. – Я упрямо качаю головой и трясусь перед собой пакетами, набитыми чипсами и орешками.

– Сегодня у меня с друзьями вечер пива и баскетбола. Присоединяйся.

Она присоединилась. И хотя я предупреждал парней о том, какая коварная змея эта русская, они всё равно попались в её сети. С Элом они успели обсудить нового форварда «Лейкерс». Откуда девчонка вообще сечёт в баскетболе? С Джо она поделилась впечатлениями о поездке на Кубу, куда он собирается последние полгода. А с младшим братишкой Джо, семнадцатилетним любителем травки Эриком и моим преданным фанатом, успела поспорить о том, какая вселенная круче: «Марвел» или «ДиСи». И здесь я с матрёшкой солидарен – «ДиСи» не такие поповые, но вслух я об этом, конечно, не скажу.

В общем, к тому времени, как матч начался, эти трое предателей трескали борщ и смотрели на неё влюблёнными глазами. Тоже мне друзья.

Оставив матрёшку и Эрика на кухне делать ставки, сколько ещё протянет старик Стэн Ли, мы с парнями перемещаемся в гостиную. Смотрю на телефон: шестой неприятый звонок от Камиллы. Я игнорировал её три дня, потому что был на взводе, но дальше так продолжать нельзя. Предупреждаю парней и иду на второй этаж, чтобы нормально поговорить и извиниться. Плюхаюсь в кресло, размышляя, что ей сказать. Скажу, что заеду завтра. А может лучше написать СМС? Нет, так не годится.

И вот когда я практически кладу палец на зелёную трубку, дверь в спальню распахивается и на пороге появляется русская. И что-то есть в её взгляде такое, от чего Гас-младший начинает истошно долбиться головой в трусы.

Матрёшка ловит мой взгляд в силки и направляется к креслу. Вышагивает, словно Наоми в лучшие годы, и взгляд такой же хищный, будто лисица идёт в атаку на хромого кролика. И я почти вижу вокруг неё облако похоти, которым она пригвождает меня к спинке кресла, заставляя вцепиться пальцами в подлокотники.

Не мешкая ни секунды, она перебрасывает через меня сначала одну ногу, потом вторую, и пальцами впивается в волосы.

– Борща переела, матрёшка? – сиплю я и сам не узнаю свой голос. Ну это потому, что я в шоке.

– Почему ты всегда так много разговариваешь, Гас? – шепчет Сла-ва, дразня персиковым дыханием мой лоб.

При звуке моего имени, произнесённого её развратным ртом, по позвоночнику разливается огненная лава, несясь напрямик к паху. Пришла сама, называет меня по имени. Что вообще происходит?

Но посторонние мысли мгновенно покидают голову, как только матрёшка тащит острые ногти по моей шее и спускается к кадыку. И вот эти её кошачьи повадки заводят ещё больше, вызывая желание сжать её плечи до хруста и впиться зубами в ключицу. Пальцами она скользит под ворот моей футболки и начинает ёрзать на коленях, потираясь тканью ширинки о моего каменного младшего. В этот момент я так явно чувствую, как горячо и влажно у неё между ног, что пальцы покалывает от желания протолкнуть их в её трусики и проверить догадку. Кровь закипает в ушах и мощной волной устремляется к члену. Не удивлюсь, если потеряю сознание, потому что она собралась там вся до последней капли.

«Это же матрёшка, русская ведьма, которая должна вылететь в свой Совок, благодаря твоему смачному пинку», – нащёптывает внутренний голос. Но моё сдуревшее либидо шлёт его на хер, и говорит, что подумает об этом позже. Ну а кто бы сказал по-другому, когда шикарная задница искусно полирует член, который уже неделю ведёт себя так, словно облопался виагры.

Матрёшка не сводит с меня взгляда, а я не могу оторвать от неё свой. Мы словно воинственные джедаи, скрестившие световые мечи в поисках чистой энергии. В её кошачьих глазах огонь и разврат, и в данный момент я не хочу думать, в чём причина подобной метаморфозы. Может быть, она решила сделать из меня своего папика, а может, просто хочет трахаться. Какая мне сейчас разница, когда чугунная гиря оттягивает трусы и каждое её движение бёдрами лупит искрой по темени.

- Хочешь меня? - шепчет матрёшка, запуская коготки мне под футболку.

- Пиздец как хочу, - признаюсь, и руки сами тянутся, чтобы сжать её бёдра.

Какая же у неё шикарная задница, круглая и упругая, с идеальным прогибом в пояснице. Настоящий трамплин. И талия такая тонюсенькая, что я могу целиком обхватить её ладонями. Глотаю слюну вожделения, сгребаю её ягодицы и сдавливаю между собой. Матрёшка, как резиновая игрушка, на которой нажали нужную кнопку, издаёт хриплый стон. Самое, блядь, возбуждающее, что я слышал в жизни. Мозг окончательно дуреет и кубарем летит в кроличью нору, когда я толкаю матрёшку к члену и делаю движение бёдрами ей навстречу.

Она громко ахает и жмурит глаза, прикусив губу. Твою мать, мы же только начали, а у Гаса-младшего уже молоко убежало.

Я сжимаю её пухлую губу, извлекая из жемчужного капкана, и даже не успеваю убрать пальцы, как влажный рот ловит их и втягивает в себя. Я ни хера не из тех слабаков, которые стонут во время секса, но сейчас шиплю и чудом не вою.

Матрёшка распахивает зелёные глазищи и щурится. До основания погружает указательный и средний пальцы в рот и щекочет языком между ними. А я, как свихнувшаяся кобра, управляемая дудкой факира, не могу оторвать от неё взгляда, пока матрёшка продолжает объезжать мой член и ублажает пальцы так умело, словно у неё во рту три языка.

Я толкаю пальцы между её розовых губ, кайфуя от тёплой влажности. Спорю, она и там такая же. Дышу, как марафонец на сорок первом километре, пока отчаянно трахаю её рот, словно это поможет мне кончить.

- Нравится, матрёшка? - хриплю, не прекращая глубже задвигать пальцы ей в горло. - Член мой ты тоже будешь так сосать?

Матрёшка хлопает ресницами в знак согласия и прикусывает подушечки пальцев острыми зубами.

И у меня срывает башню окончательно. Я готов повалить матрёшку на пол, разодрав к хренам её штаны и всё, что там под ними есть, с камешками или без,

и трахать, пока уставшие от её визгов и стонов соседи не вызовут полицию. Держусь только потому, что хочу растянуть этот момент подольше.

- Снимешь для меня свою майку, Сла-ва? – рычу я, вытаскивая из её рта влажные пальцы. Это нужно прекратить, потому что кончать в штаны в моём почтенном возрасте стыдно.

Матрёшка обводит розовым язычком припухшие губы и устремляет на меня изумрудный с поволокой взгляд.

- Ты хочешь, Гас?

И снова это «Гас»... Гас, как же охеренно она это говорит.

- Повтори, – хриплю я ей в губы.

Матрёшка наклоняется над моим ухом, укрывая нас копной своих волос, и стонет:

- Ты хочешь, Гас?

Я мычу что-то нечленораздельное в ответ и как вампир присасываюсь к её шее. Карамельная кожа скользит под моим языком словно шёлк. И на вкус, блядь, будто райский нектар.

Сла-ва слегка отстраняется и одним движением стягивает с себя майку. И я, забыв обо всём на свете, ошарашенно пялюсь на её обнажённую грудь. Как Корбен Даллас перед рыжеволосой Милой распахиваю рот, и в голове вертится восторженный рефрен: «Само совершенство». Кому нужны силиконовые дойки, когда есть это? Два небольших идеальных полушария, высоких и тугих, с аккуратными бежево-розовыми сосками.

Я сглатываю и, как хоббит к кольцу, тяну пальцы. Едва касаюсь напряжённой вершинки – матрёшка дёргается как от удара током. Закрывает глаза, откидывая назад голову, и стонет:

- Ещё.

- Ещё, Гас, - подсказываю ей, сжимая сосок пальцами.

- Ещё Гас, - эхом отзывается матрёшка и выгибает спину.

Чёрт, такая отзывчивая. Что же с ней будет, когда я буду долбиться внутри неё членом? Рычу, как оголтелая псина, и обхватываю сосок ртом. Клубника и сливки - мой любимый десерт. Я глажу его языком, вдавливаю внутрь и снова втягиваю в себя, чувствуя, как матрёшка танцует тверк на моём члене.

- Сколько парней у тебя было, Сла-ва? - бормочу я ей в кожу.

Какого хрена меня вообще это интересует? К чему вскрывать этот ящик Пандоры? Потому что я мечтаю трахнуть её без резинки?

Уже хочу забрать свой вопрос обратно, когда русская стонет:

- Только один. Хочу, чтобы ты стал вторым.

Пиздец. Вот тебе и русская шлюха. Ей же двадцать три. Почти девственница. У тихони Ками в шесть раз больше. Но вот что меня настораживает - так это невероятное чувство восторга, подпирающее моё возбуждение. Я радуюсь, что у неё был только один? Какое мне вообще до этого дело? Я же трахнуть её хочу, в конце концов, а не в жёны взять.

Гоню от себя idiotские мысли и сливаюсь с её грудью во влажном французском поцелуе.

- Гас, я сейчас, - хнычет матрёшка, вонзаясь ногтями мне голову, и я снова едва не стону от кайфа.

Хочу, блядь, хочу, чтобы она сделала мне больно, хочу носить на себе её отметины. Я прижимаю ягодицы матрёшки к члену и начинаю трахать, как обезумевший, прямо через её дурацкое трико. Пусть кончит так, ей будет с чем сравнить позже.

Отрываюсь от груди матрёшки, чтобы посмотреть на выражение её лица, когда она приходит к финишу. И она не разочаровывает: щёки розовые, глаза закрыты, кусает губы и хрипит в сладкой судороге. Само, блядь, совершенство.

Сла-ва обмякает в моих объятиях словно тряпичная кукла, и я уже собираюсь сказать, что мы только разогревались, когда замечаю, что её лицо стремительно синееет.

Бля, это что, особенности оргазма в России? Что за хрень?

- Эй, матрёшка. - Я трясу её за плечи, но у неё только рот открывается, как у выброшенной на песок рыбы. - Да что с тобой?

И меня осеняет. Вот о чём я, отвлечённый своим озабоченным младшим, даже не подумал. Кошка пришла ко мне сама, залезла на колени и готова была трахнуть. Со мной. С ненавистным Малфоем. Что Путин с Трампом в термах Баден-Бадена друг другу спины тереть начнут, и то шансов больше.

Я скидываю с себя футболку и напяливаю её на Сла-ву. У неё губы синие и трясутся, словно флаг Евросоюза на ветру.

Снова встряхиваю её за плечи.

- Принимала что?

Глаза у матрёшки жалостливые, как у брошенного щенка.

- Ничего, - мотает она головой и зубами клацает. - Сок.

Я, блядь, убью его. Оторву его мелкий член, засушу, сделаю брелок для ключей и вручу ему на день рождения.

Поднимаю её на руки и тащу в душ. Ставлю под тёплые струи прямо в одежде и растираю плечи.

- Ты как, матрёшка? Нормально?

Вижу, что ненормально. Худенькое тело трясётся, но русская подбородок задирает и утвердительно кивает.

- Нормально.

Святая мученица, чтоб её. На таких, как она, Вторую мировую и выиграли. Стараясь не пялиться на её грудь, я сдираю с матрёшки мокрую футболку и тяну вниз штаны. Блядь, трусики и правда с камешками. Достая полотенце, кутаю её в него и несую эту упакованную мумию на кровать.

- Подождёшь минуту, матрёшка? Я сейчас вернусь.

Несчастный аватар снова кивает и откидывается на подушки. А я, как бешеный смерч, несусь по лестнице вниз. Без слов сгребая малого за шкуру и швыряю на пол.

- Ты что творишь, долбанутый утырок?

Малой непонимающе хлопает обкуренными глазами и хнычет:

- Хотел тебе сюрприз сделать. Не понравилось?

Понравилось, блядь. Только он об этом никогда не узнает.

- Что ты ей дал? Она синяя и трясётся.

Малой пытается улыбаться.

- Новая шипучка. Девчонки пишат. В три раза сильнее, чем попперс и виагра. Через час её отпустит, не волнуйся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/salah_alayna/svodnyy-boss

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)